



Мой отец...

Прикосновение к истории всегда волнует, два с лишним года назад, в преддверии 65-летия «Славича», редакция обратилась к своим читателям с просьбой просмотреть семейные архивы: может, отыщутся фотографии, которые пусть немного, но дополнили бы историю компании. Ветераны охотно откликнулись, приносили снимки, рассказывали о запечатлённых моментах. Среди фотографий, опубликованных в газете, был снимок, сделанный во время демонстрации: киноплёночники на празднике. Его предоставил редакции Н. А. Самойлов.

Спустя два с лишним года Николай Алексеевич вновь пришёл в редакцию, и не с пустыми руками — принёс письмо.

— Лучше прочтите, чем я буду рассказывать, — пояснил он.

Давайте прочтём вместе.

«Уважаемая редакция!

Читая историю предприятия в книге „От кино к видео“ изданной к 60-летию «Славича», вы не найдёте там фотографии ударников строительства и пуска фабрики киноплёнки. Этот снимок был опубликован ранее — на 15 странице книги „Первенец советской киноплёнки“, изданной в 1987 году. А почему фотографии не нашлось места в юбилейном издании, мне трудно сказать. На снимке среди восьми первых ударников — мой отец Алексей Николаевич Самойлов.

Он не был членом партии, но слыл честнейшим человеком и добросовестным тружеником. По распорядку отец должен был работать только в дневную смену, в семье же его почти не видели. Поужинав, отец снова уходил на производство, где требовались его знания и умелые руки высококвалифицированного специалиста по ремонту мощных дизелей.

Алексей Николаевич с отличием закончил в начале двадцатых годов училище на фабрике «Красное эхо», имел большую практику. Он прекрасно освоил фрезерный, токарный и другие станки, был слесарем 7 разряда.

На фабрику киноплёнки отец пришёл в 1929 году и проработал здесь до 1965 года. В самом начале трудился строителем, а затем перешёл в бригаду Ивана Ксенофонтовича Абрамова, который запечатлён на фотографии ударников строительства и пуска фабрики рядом с отцом. В предпусковой ударная группа И. К. Абрамова первой из строителей рапортовала о монтаже силовой станции.

Во многих сложных ситуациях, когда останавливалось дело, всегда обращались за помощью к отцу. И не было случая за всю жизнь, чтобы проблема не была решена. Сам встанет к станку или предложит придуманные им приспособления токарям, фрезеровщику, но вышедшая из строя и профессионально восстановленная деталь вновь занимала своё рабочее место.

Вместе с ним в бригаде слесарей трудились Дмитрий и Александр Хреновы, Сергей Новосёлов, а впоследствии ученики отца — Геннадий Михайлов, Борис Шариков. На их плечи ложилась тяжёлая ноша — ремонт двух мощнейших дизелей „Юнкерс“, „Манн“, дизеля с подводной лодки, двух паровых машин и турбины.

В то время ещё не было линии Ярэнерго к городу. Фабрика вырабатывала электроэнергию для собственных нужд, для городских учреждений и жилья. Это очень ответственно. При любой поломке техники, в любое время ночи, немедленно слали посыльных на дом к отцу, который сразу шёл на родное производство: надо.

Профсоюзом ему выделялось два-три десятка сверхурочных часов, но на практике их выходило гораздо больше, только лишние часы не оплачивались — руководство фабрики скрывало их.

В годы Великой Отечественной войны Алексей Николаевич служил в войсках МВД, вылавливал шпионов и диверсантов на линии фронта, а вернувшись, встал на прежнее место работы и трудился не считаясь со временем.

Ознакомившись в книге со списками награждённых, я нигде не нахожу отца. Классный специалист остался в тени. В дизельном зале уровень шума превышал нормы, «наградой» стали глухота и слепота от вредности производства. Будучи на пенсии, отец спрашивал меня: „Почему сверхурочные часы, даже те, что фиксировались и оплачивались, не вошли в пенсию? Я ведь всё делал для фабрики и страны“.

Я узнавал в горсобесе и объяснял отцу, что это не положено, он не верил, обижался на меня и требовал снова идти в горсобес. Мне было больно, как и ему, и стыдно за страну.

В сентябре 1947 года отец устроил меня слесарем в РМУ фабрики киноплёнки. Отработав там 17 лет, перешёл в цех основы, откуда и ушёл на пенсию. Ударник коммунистического труда, неоднократно подтверждал звание „Лучший по профессии“ с вручением грамот, есть Почётная грамота за безупречную работу от дирекции в связи с моим 55-летием. Не являюсь ветераном труда, хотя и заверяли меня, что документы сданы.

Самойлов Николай Алексеевич».

Откровенно признаюсь: и визит, и письмо, и упоминание о книгах, которые не перепишешь — вроде как не к месту: люди сегодня озабочены элементарной добычей куска хлеба. А Николай Алексеевич очень долго убеждал меня: какой его отец был хороший совестливый человек-труженик. Рассказывал о своей матери Лидии Ивановне. Она была разнорабочей которых посылали в места потруднее и потяжелее — рвала жилы на торфе. Труженица, каторжница на работе и дома, верная спутница мужу.

На следующий день он опять пришёл в редакцию, принёс семейные реликвии — фотографии, пожелтевшие ветхие от времени справки, подтверждающие хорошую учёбу Алексея Самойлова в училище в 1923 году.

В трудовой книжке всего несколько записей о перемещениях по работе. А первая сделана 17 мая 1929 года: «Ф-ка 5. Принят на должность слесарь-бригадир».

Как трудился? Алексей Николаевич поощрялся премиями «За производственные успехи — 150 р.», «За примерную стахановскую работу — 175 р.» и другие «за», его отмечали и объявляли благодарности за рационализаторские предложения. Всего 16 записей о поощрениях.

Его уж нет — Алексей Николаевич умер в 1993 году в возрасте 90 лет.

Что же хочет его сын? Мы долго говорили с Николаем Алексеевичем о прошлом времени и нынешнем, перелопачивали события, даты. Хотелось выяснить позицию человека. И в конце беседы я сказал:

— Николай Алексеевич, мне всё же непонятна цель Вашего визита в редакцию: какова она?

Он долго смотрел в потолок, пожал плечами, вздохнул и ответил:

— Не знаю. Только сердце почему-то щемит...

А мне подумалось: если в это разрушительное время сын беспокоится о добром имени отца и хочет сохранить память о нём в исторической дали, значит, в нашей жизни не всё ещё потеряно.